

Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

1

2005

СОДЕРЖАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКИЕ СОЦИОЛОГИ

З.Х.-М. САР АЛИЕВА	
Социальная работа как отрасль социального знания.....	4
В.Ф. АНУРИН, В.К. СПИЦЫН	
Роль идеи в политической стратификации.....	16
С.С. БАЛАБАНОВ	
Тендерный срез отечественной науки.....	29
Н.Н. ИВАШИНЕНКО	
Изучение процессов конкуренции на основе анализа сети взаимодействия предприятий.....	35
А.М. БЕКАРЕВ	
Социально-проектная деятельность в условиях глобальных перемен.....	45
Е.Н. ВОЛКОВ	
Социально-психологическая эксплуатация как сторона социального взаимодействия и ее деструктивные свойства.....	61
А.А. ИУДИН, И.Л. ШЛИВКО	
Индикаторы социального нездоровья. Типология носителей ИППП.....	71

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Ж.Т. ТОЩЕНКО	
Фантомы общественного сознания и поведения.....	92
В.В. ПЛАТКОВСКИЙ	
Фантомы политической реальности.....	107

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЙ

В.В. ЩЕРБИНА, В.Н. ЕРМОЛАЕВ	
Организационное развитие стоматологических клиник Москвы: теоретические модели и реальность.....	124
Г.Н. СОКОЛОВА	
Роль социологической экспертизы в оценке социальных последствий экономического реформирования.....	146
Н.С. СУБОЧЕВ	
О понятии организационной культуры.....	156

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

П. КРОТОВ	
Автобиография как отражение альтруистической трансформации Питирима Сорокина.....	158
СОЦИАЛЬНАЯ МЫСЛЬ РОССИИ.....	167

© 2005 г.
Е.Н. ВОЛКОВ

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ КАК СТОРОНА СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ СВОЙСТВА

Процесс социального влияния при всем многообразии, количестве и качестве посвященных ему исследований и концепций до сих пор в некоторых весьма существенных аспектах остается почти «непаханой целиной». На мой взгляд, в первую очередь это касается системы основных понятий, описывающих сам процесс, а также ситуаций социального влияния, относительно которых возникает потребность оценки, регулирования, нормирования (формирования или изменения социальных норм) и кодификации. Особенно острой практической и теоретической проблемой является научное исследование всех возможных форм ущерба для личности, группы или общества в ситуациях как стихийного (случайного), так и целенаправленного социального влияния.

Наибольший интерес представляют, на мой взгляд, деструктивные аспекты целенаправленного социального влияния. Социальное воздействие приобрело тотальное распространение при одновременном резком росте его технической оснащенности во всех смыслах (собственно технические коммуникационные системы, программные и интерфейсные техники и социально-психологические техники и технологии), что привело к существенному распространению и обострению его негативных последствий.

Предупреждение или существенное снижение вредных (деструктивных)

последствий социального влияния становится уже проблемой не только национальной¹, но и глобальной безопасности. Достаточно указать на феномен современного международного терроризма, размах и эффективность которого демонстрируют не столько технические возможности террористов, сколько убийственную эффективность технологий социального влияния, используемых организаторами террора. При всей остроте проблемы терроризма она все же лишь верхушка айсберга тех проблем, что порождаются неправильным или злонамеренным осознанным применением социального влияния, а также негативными сторонами социального влияния, которые сложились стихийно как культурно-исторические стереотипы.

В плане дальнейшей гуманизации и конструктивного контроля социального влияния, соответственно, встают два типа задач: превентивно-охранительные и просветительно-регулирующие. Первые связаны с предупреждением и пресечением прямых или косвенных деструктивных последствий социальных воздействий (целенаправленного влияния), а вторые — с совершенствованием индивидуальной и групповой культуры влияния и воздействия, а также защиты от влияния (цель — устранить или уменьшить ущерб от неграмотного, опасного и злонамеренного применения социального влияния). Оба типа задач могут успешно решаться

лишь при условии предварительного ясного очерчивания сущности, структуры и возможностей социального влияния, а также критериев и принципов его правового и ценностно-идеологического регулирования.

В данной статье дается краткий очерк основной системы понятий, связанных с социальным влиянием, а наиболее подробно рассматривается категория «социально-психологическая эксплуатация» в связи с проблемой ущерба в процессе использования человека человеком.

Система понятий, позволяющих описать процесс социального воздействия и его деструктивные аспекты, должна, на мой взгляд, выстраиваться от трех исходных категорий: влияние, воздействие и взаимодействие.

Социальное влияние рассматривается как специфический предмет социальной психологии, что находит отражение в определениях социальной психологии. Американский психолог Дж. Тернер в работе «Социальное влияние» пишет так: «Что такое социальное влияние? Наиболее очевидное определение можно дать, исходя из того, что социальное влияние включает в себя процессы, посредством которых люди прямо или косвенно влияют на мысли, чувства и поступки других людей»². Хотя он находит это определение слишком широким, оно довольно сходно с рядом определений, сформулированных другими социальными психологами, например, Э. Аронсоном: «Влияние, которое люди оказывают на убеждения или поведение других людей»³. Его же определение социальной психологии включает более развернутое описание социального влияния: «Социальная психология: научное исследование того, как мысли, чувства и поведение людей подвергаются влиянию реального или воображаемого присутствия других людей»⁴.

Представители европейской школы социальной психологии дают несколь-

ко иное определение: «Социальное влияние (social influence) — изменение в суждениях, мнениях и аттитюдах личности в результате воздействия взглядов других людей»⁵. Здесь социальное влияние сведено к когнитивной сфере, к когнитивному влиянию людей друг на друга. Одно из самых развернутых и полных определений социального влияния дают Ф. Зимбардо и М. Ляйппе: «Процесс социального влияния предполагает такое поведение одного человека, которое имеет своим следствием — или целью — изменение того, как другой человек ведет себя, что он чувствует или думает по отношению к некоему стимулу. В качестве стимула может выступать любая социально значимая проблема (например, проблема абортов), продукт (скажем, диетический лимонад), действие (к примеру, использование шпаргалок на экзамене)»⁶. Это определение, особенно в сравнении с предыдущим, носит уже отчетливо бихевиористский характер.

Можно все же предложить вполне операциональное описание социального влияния, которое я буду в дальнейшем использовать как рабочее и как достаточное для целей этой статьи. Социальное влияние — это процесс изменения любых аспектов поведения, мышления, эмоционального состояния и восприятия человека в результате любой ситуации социального взаимодействия или даже внутреннего субъективного переживания человеком воображаемых ситуаций социального взаимодействия. Такое определение делает понятие «социальное влияние» действительно всеобщим для соответствующей категории явлений, т. к. включает в себя влияние случайное и осознанное, внешнее и внутренне (самовлияние). Влияние в социальной среде, влияние людей на людей в качестве социальных существ — это именно социальное влияние, точнее, социально-психологическое, но с приоритетом со-

циального. Можно, вероятно, выделить чисто психологическое влияние со стороны одного человека на другого, которое сказывается на психических функциях, процессах и состояниях объекта влияния прежде всего на психофизиологическом уровне, но его чрезвычайно сложно отделить от социального контекста и социальных механизмов. Влияние на протекание психических функций и процессов как «чисто» психологическое влияние со стороны других людей необходимо рассматривать как бессодержательное, бессмысловое. Как только мы беремся исследовать влияние людей друг на друга как содержательное и наполняемое смыслом, на первый план выступают социальная сторона влияния, социальные смыслы, структуры (фреймы у И. Гофмана) и механизмы, а самое главное, определяющим становится именно социальное содержание и социальный смысл этого взаимодействия.

В силу этого, а также в силу того, что я и предполагаю исследовать прежде всего социально содержательную сторону влияния (а уж в связи с этим психологические аспекты и последствия), употребление словосочетаний «психологическое воздействие», «психологическое насилие», «психологическая эксплуатация» и т. п. в данной работе следует рассматривать как синонимы словосочетаниям с прилагательными «социальное» и «социально-психологическое».

В обосновании необходимости социологического подхода к проблеме социального влияния я опираюсь, в частности, на 22-й тезис К. Поппера из его статьи «Логика социальных наук»: «Психология — социальная наука, поскольку наши мысли и действия во многом зависят от социальных условий. Такие понятия, как (а) подражание, (б) язык, (в) семья, очевидно, социальные понятия, и ясно, что ни психология обучения или мышления, ни, например,

психоанализ не могли бы существовать, если бы они не использовали те или иные из этих социальных понятий. Таким образом, психология предполагает социальные понятия; это показывает, что невозможно объяснить общество исключительно в психологических терминах или свести его к психологии. Поэтому мы не можем рассматривать психологию как основу всех социальных наук.

Чего мы в принципе не можем объяснить психологически и что мы должны рассматривать как предпосылку любого психологического объяснения — это социальное окружение человека (*man's social environment*). Следовательно, задача описания этого социального окружения (конечно, как сказано ранее, с помощью объяснительных теорий; ведь описаний, свободных от теории, не существует) — основная задача социальной науки. Вполне возможно, что эту задачу следует считать задачей социологии»⁷.

Социальное влияние — атрибут социальной жизни, неотъемлемый аспект социальной связи. Оно может быть прямым, непосредственным (лицом к лицу) или опосредованным культурными артефактами (предметами, архитектурой, произведениями искусства, текстами, СМК), но в любом случае выражает неизбежность того или иного реагирования социализированного индивида на любую разновидность или след присутствия других людей, а также на представление в воображении этого присутствия. Но социальное влияние, конечно же, одновременно является и психологическим процессом, поскольку существует лишь в сфере человеческой психики, т. е. реализуется и воспринимается только посредством специфических свойств этой психики. Социализированная психика, в свою очередь, задает конкретные формы и границы социального влияния в определенной ситуации»⁸.

Следующий шаг — выделение из социального влияния социального воздействия, т.е. осознанного и целенаправленного влияния одних людей на других. Указание на воздействие есть в определении Ф. Зимбардо и М. Ляйппе: они упоминают использование человеком своего поведения для целевого изменения поведения и мышления другого человека.

Социальное влияние может быть случайным, нецеленаправленным, неосознанным, стихийно (спонтанно) процессуальным (в качестве постоянно действующей стороны социальной жизни), а может быть осознанным, целенаправленным, организованным, преднамеренным, специально спланированным и структурированным. В действительности обе эти формы социального влияния всегда присутствуют одновременно, и в любом конкретном случае можно говорить лишь о разном сочетании этих форм.

Целенаправленное влияние — это воздействие⁹. Социальное воздействие — это осознанное влияние с результатом на стороне мишени воздействия, планируемым агентом воздействия. Реально полученный результат может более или менее существенно отличаться от планируемого, быть неожиданным или даже противоположным ожидаемому, но сущность воздействия — именно в осознанности и целевой планируемости результатов. Е.Л. Доценко предлагает использовать различие интенционального и операционального аспектов воздействия, подчеркивая, что на операциональном уровне всегда происходит взаимодействие, в котором воздействие — лишь одна из двух сторон единого процесса взаимодействия¹⁰.

Взаимодействие может быть понято как неизбежная взаимность любого акта влияния: столкновение либо двух встречных случайных влияний, либо воздействия с реакцией мишени, либо

взаимных воздействий друг с другом (везде присутствует эффект обратной связи).

Для разграничения и учета всех возможных сочетаний как спонтанных, так и целенаправленных аспектов социального взаимодействия есть смысл выделить взаимовлияние и взаимовоздействие как формы взаимодействия. Взаимовлияние в широком смысле включает в себя любые аспекты взаимного влияния, как осознанного, так и неосознаваемого, и фиксирует неизбежность взаимной обратной связи в рамках социального влияния при любом контакте человека с человеком (социальной группы с социальной группой). Взаимовлияние в узком смысле — случайное взаимное влияние, непреднамеренное и нецеленаправленное.

Взаимовоздействие предполагает одновременное воздействие друг на друга при социальном контакте, т.е. осознанное и целенаправленное влияние со стороны всех участников контакта (взаимодействия). В.Н. Сагатовский называет такую ситуацию «рефлексивной игрой»¹¹, и действительно, хорошим примером взаимовоздействия являются любые спортивные, интеллектуальные и развлекательные игры — от хоккея и шахмат до карточных и других настольных игр.

Теперь обратимся к вопросу о том, как возникает проблема деструктивности социального воздействия. Возникает она, на мой взгляд, тогда, когда начинается оценка качества процесса воздействия и анализ его последствий для личности. На утилитарном уровне ущерб для личности от воздействия в самом общем виде может иметь два основных варианта: ухудшение (разрушение) в социально-психологическом отношении самой личности и ее жизненной ситуации в сравнении с состоянием до воздействия (потеря приобретенного); препятствование реально возможному развитию личности и улучшению

ее жизненной ситуации (упущенная выгода).

Оба варианта нанесения ущерба личности возможны на двух главных направлениях социального воздействия: целевое использование человека человеком и целевой контроль со стороны другой личности или группы. Функции целевого контроля выполняют такие формы социального воздействия, как агрессия и насилие¹². Функции целевого использования осуществляются в формах эксплуатации и манипуляции.

Поскольку представление о социальном воздействии (целенаправленном социальном влиянии) неразрывно связано с тем, что агент воздействия стремится получить какую-то выгоду для себя, а представление о деструкции (ущербе) подразумевает лишение мишени воздействия чего-то полезного и выгодного ей самой, то на первый план выступают понятия «эксплуатация» и «манипуляция». Оба термина конкретизируют существенные аспекты воздействия, в том числе и потенциально деструктивные, но под различными углами зрения. Термин «манипуляция» получил достаточно подробное и глубокое разъяснение в монографии Е.Л. Доценко «Психология манипуляции»¹³, что позволяет мне, присоединившись в целом к предложенной автором интерпретации, уделить главное внимание первому термину.

Почему заслуживает такого внимания именно «эксплуатация» как форма, в которую облекается деструктивность социального воздействия? Дело в том, что, с одной стороны, главными формами опасности и деструктивности в социальной жизни считаются агрессия и насилие, особенно в их физических и явно преступных или аморальных проявлениях¹⁴; с другой стороны, признается наличие множества социально-психологических форм нанесения ущерба человеческой личности (нерав-

ноправие, дискриминация и т. п.), но незаслуженно мало внимания уделяется универсальным и базисным социальным-психологическим процессам как специфическим источникам деструктивности и ущерба. Исправлению такой несбалансированности и служит предлагаемая концепция.

Эксплуатация в социуме в сложившемся словоупотреблении понимается как использование человеком (группой) своих преимуществ перед другим человеком (группой) для неравного (неэквивалентного) обмена в возникающих отношениях, как использование людей людьми с нечестной и незаконной односторонней выгодой для какой-либо личности или группы. Синонимичное выражение: «быть использованным», «меня использовали» (англоязычный эквивалент — to be used, I was used).

В «эксплуатации» применительно к отношениям людей можно выделить два основных смысловых варианта: использование каких-либо способностей, навыков и умений человека со стороны другого человека или группы, но неравноправное, с неэквивалентным возмещением и/или при плохих (ухудшенных) условиях деятельности для эксплуатируемого; использование потребностей, желаний, мечтаний, а также психологических (когнитивных, эмоциональных) несовершенств и слабостей человека другим человеком или группой в свою пользу и /или для целей, далеких от основных интересов эксплуатируемого.

В обоих вариантах важнейшим исходным моментом является неравенство позиций и ролей «используемого» и «использующего»: в первом случае эксплуататор владеет силой, властью, более высоким положением в общественной и корпоративной иерархии или собственностью в условиях, когда эксплуатируемый не имеет существенных аргументов (правового обеспечения, организации и т. п.) для обеспечения достойного обмена. Этот вариант носит

преимущественно характер социально-экономической эксплуатации, хотя и тут социально-психологическая составляющая весьма существенна.

Во втором случае осуществляется именно социально-психологическая эксплуатация, поскольку и объект, и средства эксплуатации носят преимущественно социально-психологический характер. Неэквивалентное (неравноправное) использование социально-психологических свойств эксплуатируемого осуществляется с помощью психологических и специфических социальных средств: искусства манипуляции, ролевых и других социальных стереотипов, эмоциональной и когнитивной дезориентации, психологической и социальной зависимости и т. д.

Таким образом, категория «эксплуатация» представляется более релевантной во многих ситуациях нанесения ущерба в процессе социального воздействия, поскольку, во-первых, само социальное воздействие осуществляется с использованием (эксплуатацией) определенных психосоциальных механизмов на стороне мишени такого воздействия, и во-вторых, оно чаще всего направлено со стороны агента воздействия скорее на извлечение собственной выгоды (на эксплуатацию), чем на осознанное нанесение ущерба мишени влияния.

Однако есть существенные основания не сводить социальную эксплуатацию лишь к описанному негативному содержанию. В сложившейся негативистской семантике слова «эксплуатация» потерялось исходное нейтральное и в ряде отношений позитивное представление о нормальном и неизбежном процессе использования людей людьми¹⁵.

Поскольку рассматриваются социальные отношения, то отношения использования — одна из самых существенных и неотъемлемых сторон этих отношений. Использование может быть осознанным или неосознанным, целенаправленным или случайным. Лингвистичес-

кая (семантическая) ситуация такова, что за понятием «эксплуатация» применительно к социальным отношениям закрепился негативный смысловой фон, но при этом нет достаточно (все) общего понятия, отражающего использование людей людьми. Есть много частных понятий, отражающих разные конкретные формы социального пользования друг другом, но нет устоявшегося общеродового термина.

Как мне представляется, с учетом «технического» происхождения и исходного основного смысла понятия «эксплуатация» следует и в социальном контексте восстановить и закрепить за этим термином безоценочное обозначение одной из «технических» сторон социального взаимодействия, т. е. использования людьми друг друга в целях получения пользы или выгоды. Один человек может эксплуатировать другого человека или группу (группы) людей, а группа может эксплуатировать как индивида, так и группу (группы). При этом эксплуатация может быть справедливой или несправедливой, честной или нечестной, с эквивалентным или неэквивалентным возмещением (вознаграждением), т. е. конкретная ситуация эксплуатации и ее результаты могут получить соответствующую оценку, которая не делает эксплуатацию как таковую плохой или хорошей, как плохое или хорошее использование инструмента не определяет свойств инструмента самого по себе, но выявляет свойства пользователя и той ситуации, в которой инструмент применяется.

Какую бы терминологическую конвенцию мы ни приняли, остается необходимость максимально адекватно отразить структуру и содержание социального взаимодействия прежде всего с процессуально-инструментальной («технической») стороны. В этом случае никак не обойти проблему исполь-

зования (эксплуатации) людей людьми. Возможен вариант, когда общим термином выбирается «использование», а «эксплуатация» оказывается термином, обозначающим «нечестное, несправедливое использование» или «использование с неэквивалентным возмещением». Но здесь возникает коннотация слова «использование» в обыденно-сленговом употреблении: «меня использовали» (I was used). В то же время применительно к технике и производству термин «эксплуатация» закрепился в значении «использование природных богатств, средств производства, транспорта, зданий»¹⁶ (Ожегов) или «процесс, в котором материалы или чьи-то умения эффективно используются для получения выгоды или дохода (прибыли)»¹⁷. Логично и продуктивно вернуть понятию «эксплуатация» технический смысл и в социальном контексте. Весьма близкой и изоморфной моделью для этого является герменевтическое прояснение смысла термина «манипуляция», которое осуществил Е.Л. Доценко в указанной монографии¹⁸.

Говоря о «техническом» в социальном контексте, я имею в виду то, что существует техническая сторона социального взаимодействия, включающая аспекты этого процесса и поведения людей, которые можно выделить в качестве инструментально-технической составляющей, не имеющей собственного самостоятельного содержания, но позволяющей (вос)производить, передавать и использовать социальные смыслы (социальное содержание). Такими «техническими» элементами социального взаимодействия являются, например, коммуникация и ее элементы (речь, язык, символы, знаки и т. д.), деятельность, ритуал и т. п. В данной статье «технические» термины — «эксплуатация», «манипуляция».

Эксплуатация, таким образом, — это определенная сторона социального взаимодействия, связанная с одно-

сторонним или взаимным использованием людей людьми. Когда один человек посредством другого осуществляет свои потребности, намерения, цели — это естественная, неотъемлемая сторона (атрибут) социальной связи, социальной жизнедеятельности.

Соответственно, «эксплуатация» и «манипуляция» как исходно технические¹⁹ категории должны и применительно к социальной сфере оставаться именно «техническими», т.е. безоценочными понятиями, отражающими:

- в случае «эксплуатации» — пользование (использование) людей людьми, т.е. «технический» процесс извлечения пользы из социального взаимодействия;
- в случае «манипуляции» — технически определенный (т.е. включающий лишь специфические приемы и столь же специфические признаки мастерства) способ социального воздействия, отличный от других способов.

В словоупотреблении и концептуализации этих терминов проявляются два основных смысловых перекоса:

- негативизация, т.е. отождествление этих понятий исключительно с негативным оценочным контекстом, когда и эксплуатация, и манипуляция рассматриваются только как отрицательные явления;
- универсализация, т.е. расширение понятий до необоснованного широкого смысла, когда почти любое социальное взаимодействие объявляется эксплуатацией, а любое воздействие объявляется манипуляцией²⁰.

Негативизация двух обсуждаемых понятий создает большие сложности в обсуждении естественных и нормальных проявлений эксплуатации и манипуляции и в исследовании тех границ и принципов, которые позволили бы максимально избегать их негативных проявлений.

Универсализация этих терминов особенно выгодна тем, кто осуществ-

ляет нечестную эксплуатацию и вредящую манипуляцию, поскольку позволяет им спрятаться за расплывчатыми или неспецифическими абстрактными признаками обоих явлений.

Точные же дефиниции понятий «эксплуатация» и «манипуляция» и связанных с ними терминов, конкретизирующих социальное взаимодействие, взаимовлияние и воздействие позволяют создать ясную и логичную понятийную сеть, улавливающую существенные и специфические характеристики этих социальных процессов и особенности их различных аспектов, в том числе и деструктивных.

Психоагрессия и психонасилие, особенно в скрытой, манипулятивной форме, относительно реже становятся главным содержанием того или иного конкретного социального воздействия, они чаще играют вспомогательную роль. Именно недостаточный учет этих обстоятельств и недостаточная проработка системы терминов, на мой взгляд, привели к тому, что до сих пор в научном сообществе не удалось сформировать более или менее консолидированную точку зрения на психонасилие и вредящую психоэксплуатацию, а на законодательном уровне не получилось сформулировать достаточно строгие и ясные правовые нормы относительно этих явлений.

Многие деструктивные процессы и эффекты в тоталитарно-манипулятивных группах гораздо обоснованнее и точнее описываются понятием «эксплуатация», чем «насилие». А для обеспечения нечестной (незаконной, неэквивалентной, несправедливой, вредящей, деструктивной) эксплуатации могут использоваться нечестная (незаконная) манипуляция, психонасилие и психоагрессия. Важно иметь в виду, что разные виды вредящего воздействия могут как синхронно сочетаться, так и последовательно чередоваться в рамках одной и той же структуры воздействия

(манипулятивная группа, деструктивный культ). Например, канадский социолог Стивен Кент, известный исследователь культов, как-то высказался, что «промывание мозгов» — полезная «техника для того, чтобы сохранить членов, а не для того, чтобы заполучить их»²¹.

Действительно, на практике в культурах нередко сначала идет манипуляция и мягкая «затягивающая» эксплуатация потребностей в признании, внимании, любви, в принадлежности к чему-то исключительному, и лишь к «зрелым» адептам применяют более жесткие требования под предлогом «необходимых условий для достижения новых уровней». «Продвинутые» же адепты многие вредящие им действия (ограничения, лишения, самонаказания, бесплатный или малооплачиваемый труд и т. п.), хотя и вытекающие из группового учения и норм, осуществляют и воспринимают как аутовоздействия, а не как насилие или эксплуатацию. Манипуляция, таким образом, в зависимости от целей и результатов может быть частью процесса эксплуатации или самостоятельным видом воздействия.

В англоязычной лексике встречаются словосочетания *psychological abuse*, *emotional abuse* и т. п. Понятие *abuse* имеет смысл «плохое или жестокое обращение», «злоупотребление», «неправильное использование», «неправильное употребление», «эксплуатация с нарушением правил или норм». За исключением первого значения, подразумевающего более или менее очевидную, прямо явленную «плохость» и/или жестокость обращения с человеком со стороны других людей, все остальные сводятся, по сути, к «неправильной эксплуатации». Именно такой смысл наиболее адекватен, на мой взгляд, для обозначения менее явных и скрытых форм злоупотреблений в социальном взаимодействии.

Необходимо вернуть термин «эксплуатация» в социологию и психологию, но в его «техническом» безоценочном смысле, поскольку это позволит без обиняков обсуждать и исследовать такую сторону социального процесса, как использование людей людьми. Структура и содержание терминов, описывающих какое-либо явление, должны соответствовать реальным процессам и аспектам, при этом должны быть достаточно дифференцированы и соотнесены с разными контекстами и с включением в разные варианты сопряжения с другими процессами, с разными целями и результатами.

Социально-психологическая эксплуатация, как и манипуляция, может приобретать деструктивный, криминальный и т. п. характер, что не является основанием для отождествления эксплуатации и манипуляции с их худшими и патологическими вариантами. Точно также процесс питания может быть сопряжен с потреблением некачественных, вредных продуктов или с перееданием полезных, но никому не приходит в голову придавать понятию «питание» как таковому исключительно негативный уклон.

Эксплуатационные характеристики социума, или отдельных индивидов или их групп — вещь чрезвычайно актуальная и нуждающаяся в быстрейшей глубокой и детальной разработке, как бы этому ни мешали отрицательные историко-культурные и идеологические коннотации и ассоциации.

Без восстановления этого понятия в правах в сфере социальной науки нельзя решить многих теоретических и практических проблем. Деструктивные и патологические эффекты и формы эксплуатации и манипуляции оказываются трудноуловимыми и труднообъяснимыми, если не признать, что они вырастают из здоровых и естественно-конструктивных процессов.

По аналогии с регулированием трудовой эксплуатации в предшествующие

столетия современному обществу предстоит решить проблему социально-психологической (социальной — в узком смысле этого понятия) эксплуатации, без чего невозможно эффективно решить многие другие социальные и политические проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Волков Е.Н.* Проблема социально-психологической деструкции в деятельности авторитарно-манипулятивных групп как проблема национальной безопасности // Журнал практического психолога. 2004. № 6. С. 107-122.
2. *Тернер Аж.* Социальное влияние. СПб., 2003. С. 14.
3. *Аронсон Э.* Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998. С. 31.
4. *Aronson E.* The Social Animal. Eighth Edition. N.Y., 1999. P. 460.
5. Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 545.
6. *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2000. С. 16.
7. *Поппер К.* Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000. С. 310.
8. Подробно такая взаимозависимость социального и психического изложена в кн.: *Росс А., Нусбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М., 1999. Учет этой взаимозависимости чрезвычайно важен не только в теоретическом, но и практическом смысле, в чем мне особенно наглядно пришлось убедиться при решении задачи судебной экспертизы криминальных ситуаций социального влияния.
9. Более подробный анализ понятия «психологическое воздействие»

- см.: Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. 3-е изд., испр. и перераб. СПб., 2004. С. 53-55.
10. Там же. С. 54.
 11. Сагатовский В.Н. Социальное проектирование (к основам теории)// Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск, 1980. С. 84-85.
 12. Перспективы социальной психологии. М., 2001. С. 442-451.
 13. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. С. 37-55.
 14. Я попытался дать критерии и дефиниции «нефизических» форм агрессии и насилия — психоагрессии и психонасилия — в статье: Волков Е.Н. Психологическое (групповое и манипулятивное) насилие в социальном воздействии: признаки, критерии и конкретные проявления с точки зрения социального психолога // Журнал практического психолога. 2004. № 6. С. 72-93.
 15. Интересно в этом контексте название одной из книг Н. Винера, основоположника кибернетики: «Человеческое использование человеческих существ. Кибернетика и общество» (The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society). См.: Винер Н. Человек управляющий. СПб., 2001.
 16. Ожегов СИ., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 941.
 17. The Longman Dictionary of Contemporary English, CD-ROM, 2000.
 18. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. С. 37-55.
 19. В обоих смыслах понятия «техника» — и как «совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей» и как «совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве» (Ожегов СИ., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 825).
 20. См., например, дискуссию о психологической манипуляции в Журнале практического психолога. 2002. № 6.
 21. Цит. по: Langone, M. D. Cults, Conversion, Science, and Harm// Cultic Studies Review. 1(2). 2002. P. 181.